

Отрок не от мира сего

Извините, я невольно
Вас увидел, полюбил...
/Алексей Кольцов /

Больше всего в своей жизни Станислав Карлаш любил поесть, поспать и помечтать. Но насладиться этим всласть мешала работа менеджером по продаже бытовой техники, которую он совмещал с учебой на заочном отделении факультета журналистики. Ловкач Стас успевал грезить и дремать во время лекций в университете и короткого перерыва на работе, предварительно отобедав бутербродами, любовно приготовленными мамулей. Количество бутербродов было невелико, этак пять или шесть, но и этого ему было не достаточно, между делом он бегал в соседний супермаркет за кефиром и булочками, ароматными, еще теплыми, аппетитно выглядевшими. Пожалуй, еда была его основной страстью, преобладая над сном и мечтами. Кто же грезит или ложится спать на голодный желудок? Вот почему Карлаш был пухленьким, как пупс. Недаром все его звали Стасиком, а не иначе. Хотя, пупсу шел двадцатый год.

Убавляли возраст отчаянные веснушки, пухлые губы и вызывающе вздернутый нос. На этом носу была сессия, но Стасика она не заботила. В душе поселилось волнующее чувство, причина которого пока была не ясна.

Волнение повлияло на аппетит, укоротило сон, освободившееся время было посвящено мечтам. Если раньше Карлаш мечтал о дорогом автомобиле, яхте и загородном тереме, но теперь рядом с ним в автомобиле появилась сочная красotka, она же возлежала на палубе яхты и сидела у окна терема.

Чертами лица девушка походила на Гузель Рахимову, была такая же волоокая, скуластая и обладала красиво очерченными губами. Гузель училась вместе с ним на факультете журналистики и работала в скучном философском журнале «Под знаменем Сократа». В одном из номеров появилась статья Рахимовой, и она посчитала необходимым вручить журнал приятелю, присовокупив дарственную надпись, гласившую следующее: «Дорогому коллеге от журналистки, делающей первые шаги!» И поставила размашистую подпись.

Коллегой Стасик никогда не был. Он, вообще, сомневался, что пойдет по пути журналистики. К выбору его подтолкнула мать, которая с удовольствием слушала учителя по русскому языку, восхваляющего талант ученика Карлаша, способного написать сочинение на любую тему. Написание сочинений, действительно, давалось Стасику легко. Свои мечты он виртуозно излагал в тетради. Но талантом здесь не пахло. Однако, окрыленная вдохновенным рассказом учителя, госпожа Карлаш не хотела внимать желаниям сына, решившего после окончания школы влиться в ряды призывников. Он считал, что Армия его закалит, встряхнет и поставит с головы на ноги. Мать не могла пожертвовать единственным чадом, которого одна воспитывала после смерти отца, положившего голову в борьбе с зеленым змием. Стас плохо помнил маленького мужичонку, вечно полупьяного и молчаливого. Но чувство отвращения к пьяницам глубоко засело внутри. Поэтому к своим годам он ни разу не пробовал спиртные напитки. Но положила руку на сердце, случай такой представился на выпускном вечере, где группа одноклассников приложилась по кругу к бутылке водки. Прямо из горлышка. Карлаш мог сачкануть и всего лишь сделать вид, но бравада поселилась во «взрослых» мужиках, Стас решил не отставать и сделал внушительный глоток, захватски запрокинул бутылку с водкой, как горнист свой горн. Жидкость обожгла горло и потекла огненным потоком дальше. Он чувствовал, как она достигла желудка, в котором почти растворился одинокий

бутерброд с красной икрой, и разлилась блаженным спокойствием. На душе стало весело и свободно. Мечты стали превращаться в реальность. Он пригласил на танец Нинку Сорокину, которую почитали за ум, отторгнувший яркость и красоту. Карлаш не знал, чем его привлекала одноклассница. Наверное, ослепительной фигурой. К блеклому лицу и коротким бесцветным космам прилагалось тело сексапильной красотки с высокой грудью, тонкой талией и стройными ножками. Стасу хотелось измерить талию обхватом пальцев. Его давно беспокоил сей факт – соединятся они или не дотянутся друг до друга? Что он незаметно осуществил в танце, во время которого Нинка с чувством рассказывала о Наполеоне. Она собиралась поступать на исторический и читала заумные книги, от одного вида которых парня бросало в дрожь.

В жаркой атмосфере танцзала водка, разлившаяся по телу, непонятным образом достигла головы.

- Наполеон это хорошо, - задумчиво пробормотал Стас, склонившись к уху партнерши, - но можно я тебя поцелую? – И вытянул трубочкой пухлые губы, успевая при этом обхватить пальцами тонкую талию. Как он и думал, при сжатии кончики пальцев соединились.

- Мне больно, - скривилась Сорокина, но не отпрянула, а напротив, повернула голову так, чтобы их губы встретились. И не мудрено с такими -то выдающимися губами, как у Стасика.

Парень по – детски чмокнул девушку, та, недолго думая, прилепилась, как пиявка, и засунула свой язык ему в рот.

Французских романов начиталась, - мелькнула мысль в расплавленном мозгу Карлаша. Ощущения ему не понравились, и он не придумал ничего лучше, как прикусить своими крепкими зубами чужой язык. Нинка вскрикнула, оторвалась от кавалера и стала мотать языком из стороны в сторону, словно получила ожог, при этом оживленно притоптывая ногой, исполняя ритуальный танец племени под названием «Языкатые». Действо Стасика зацепило, и он глуповато хихикнул. Травмированная Сорокина ускорила темп движения языка, одноклассник не выдержал и покатился со смеху, сгибаясь и поддерживая выступающий животик. Нинка обозвала его придурком, у нее это получилось - «придудок», больно ущипнула с проворотом за пухлую щечку и удалилась с гордым видом, спрятав надкушенный язык и закусив от напряжения губы, будто этим могла унять нестерпимую боль.

На этом «близкие» отношения с девушками у Карлаша закончились.

И даже в мечтах им не было места. До наступления двадцатой весны в его жизни.

Девушка из грез взяла лицо Рахимовой, фигуру Сорокиной и волосы коллеги по работе Ирины Петрикей – совершенно неинтересной девицы с прелестной копной волос цвета спелого ореха, которые доходили до лопаток. Получился собирательный образ.

Красавица так глубоко забралась в голову Карлаша, что ему казалось, будто она существует наяву.

Чем отчаянней весна вступала в свои права, тем чаще слащавая безмятежность в мечтах сменялась тревожной настроенностью, разобраться в которой Стас не мог в силу неопытности. Карлашу шел двадцатый год, но все проблемы отскакивали от него, как репей от зеркальной поверхности, а он сам пребывал в счастливом зазеркалье. Выбранная позиция походила на способ самозащиты. Теперь в крепкой защите, выстраиваемой своими руками на протяжении всей жизни, образовалась брешь. Через нее стали просачиваться нехорошие предчувствия. Предчувствия отрезвляли и вырывали из грез.

Однажды, находясь в полуяви, Стас брякнул представительной паре, желающей купить холодильник, больше напоминающий платяной шкаф:

- До холодильников ли нынче? – и с ожесточением поскреб плохо выбритую щеку.

По всей видимости богатенький покупатель был озабочен политической обстановкой в стране, где группа новоявленных декабристов отчаянно искала вожака, способного развить революционную ситуацию и повести за собой недовольные властью массы. Очевидно, покупателю было что терять, он хаотично забегал по залу, потом систематизировал направление – теперь его строгий путь соединил две точки: касса - холодильник-мечта, который стоял в стороне от собратьев. В итоге, устроенность быта взяла верх над серьезностью момента, и засидевшаяся в магазине дорогостоящая вещь была благополучно приобретена, а менеджер Карлаш получил премию, которую решил по привычке потратить в ближайшей кондитерской, позабыв на время об отсутствии аппетита. Он представлял, как придет домой и порадует любимую мамочку, которая подобно сыну обожала сладкое.

Запахи дурманили его и вызывали обильное слюноотделение.

- Дядя, вы последний? – раздался сзади чей-то голос, полный комсомольского задора.

Стасик не обратил внимания, он подсчитывал в уме, сколько пирожных они вдвоем смогут осилить, чтобы насладиться и не переборщить? «Тормоза» у Карлашей в отношении калорийных сладостей отказывали. Выходило по меньшей мере... штук пятнадцать. Или шестнадцать, если поделить поровну.

- Дядя, я Вас спрашиваю! – снова прозвенел возле уха тот же голос, но к задору прибавилось раздражение.

Толстенный Станислав заинтересовался и повернулся всем своим могучим телом, к таким нагрузкам шея была не готова. Сзади него стояла молодая вертихвостка лет четырнадцати с перламутровыми губами и тяжелыми от туши ресницами. Рядом с ней никого не наблюдалось. Пигалица была акселераткой, ее рост приближался к метру семидесяти, а у Стаса он равнялся метру восьмидесяти или немного больше, но благодаря толстой подошве модных бот они были почти ровень.

- Вы ко мне обращаетесь? – недоуменно спросил молодой человек, настороженно оценивая наряд девицы, состоящий из короткой юбочки, тонкого свитера и куцей куртки с лохматым воротником, расстегнутой на все пуговицы.

- К Вам! – набычилась девчушка.

Сначала молодой человек не поверил, сделал оборот вокруг своей оси, желая убедиться, что впереди нет никаких «дядь». Вся многочисленная очередь состояла в основном из школьников и парочки пенсионеров.

- Да, я последний, - промямлил обескураженный Стасик.

Обращение отбило всякую охоту к священнодействующему обжорству. Но сбежать он не решился, чтобы не стать посмешищем в глазах акселератки в ботах, которая сопела у него за спиной. Карлаш не выдержал и попытался повернуть голову, девчонка не попала в поле зрения, угол поворота не превышал девяносто градусов. Тогда Стас потоптался на месте, сместился влево и уловил краем глаза вертихвостку с наушниками-«капельками», вставленными в уши. Девушка стояла с полузакрытыми глазами и подергивала головой.

Карлаш расслабился – он не был предметом насмешек. Как не был предметом интереса. Обычно девчонки такого возраста засматривают на девятнадцатилетних парней, предпочитая их в качестве кавалеров, а не ровесников. Раньше Стасика устраивало безразличие, он не любил быть центром внимания, теперь оно задело за живое.

Когда очередь дошла до него, он попросил лишь чашку чая. Присел за столик, покрутил в пальцах вытянутый пакетик с сахаром, вернул его на блюдце, быстро выпил чай и вышел на улицу, зыркнув в сторону вертихвостки, уминающей мороженое.

Карлаш никогда не задумывался об одном неоспоримом факте - вес прибавляет человеку возраст. Ему казалось, что веснушчатое лицо с вздернутым носом и пухлыми губами становится неким противовесом, он выглядит на свои юношеские годы, а

благодаря всему выше перечисленному, вызывает умиление у девушек и подкупает детской непосредственностью, благодаря которой ему многое «спускают с рук». Такого можно беззлобно пожурить, можно ласково похвалить, не обратив внимания на упущение в работе, за которое другим полагался бы выговор или лишение премии.

Сегодня впервые за все годы в душе заскреблась обида.

Конечно, у меня лицо безобидного пупса, если видеть это лицо – мысленно рассудил он.

- А если упереть взгляд в широкую спину, то что можно обо мне подумать? Что это старый слонопотам, вызывающий отвращение и пренебрежение!.. Почему сразу – слонопотам? – попытался оправдаться он, замерев у двери кондитерской и искоса поглядывая на свое отражение в огромном оконном стекле.

Девчушка не назвала его молодым человеком, автоматически не состроила глазки, лишь смерила его холодным безразличным взглядом.

- Дядя, - пробормотал себе под нос Карлаш.

Он брел по тротуару и боялся поднять глаза. Жизнь в реальном мире отличалась от жизни в мечтах, в которой он строил воздушные замки и был в этих замках главным действующим лицом, которому все поклонялись. В мечтах Стас не только придумал себе собирательный образ девушки, он выдумал себя – высокого стройного молодого человека, одетого по моде времен Вильяма Шекспира... Станислава не коробило несоответствие мужского «старорежимного» костюма с современным обтягивающим платьем сексапильной красотки, затянутым в талии широким поясом. Иногда она являлась ему в мечтах в более фривольном наряде - в открытом белоснежном бикини. Платье, а тем более бикини не уживались рядом с мужским нарядом, состоявшим из коротких штанов с буфами, туники с баской, жесткого воротника, больше похожего на новогоднее украшение из папье-маше, бархатной шляпы и высоких сапог. Дама должна была соответствовать, упаковав себя в сложный наряд типа королевы Елизаветы, но Стасу такая «упаковка» не нравилась. В ней женщина походила на странное существо, помещенное в середину круглого стола с выпиленным отверстием, соответствующим размеру талии. К такой даме близко не подойдешь, талию не измеришь, до губ не дотянешься. Пусть он будет вельможей из времен Шекспира, а она девушкой, случайно оказавшейся в том далеком времени...

Только сейчас Стас понял, что самозащита сочеталась с самообманом. Он компенсировал отсутствие интереса к своей особе пребыванием в зазеркалье, где им восхищались, где его любили и боготворили, где ему поклонялись.

Нинель Рубеновна, женщина необъятных размеров, встретила поникшего сына настороженно.

- Тебя уволили? – с надеждой в голосе спросила она, не переставая вывязывать крючком замысловатый рисунок.

- Нет, - дернулся он. – Напротив, меня заслуженно оценили – я получил премию. – И протянул матери купюры, сложенные пополам.

- Оставь себе, мой дорогой, может, захочешь сходить с девушкой в кино или в ресторан. – Она тягуче произнесла букву «э», которая пыталась выскочить из этого слова.

- Mam, какая еще девушка?! – недовольно скривился Стас.

- И это правильно! – поддержала позицию сына мать. – Сначала надо окончить университет, затем сделать карьеру, а потом думать о личной жизни.

- О личной жизни всегда нужно думать, - пробормотал себе под нос расстроенный Карлаш. – И, пожалуйста, не начинай! Мне моя работа нравится!

- И что это за работа?! Целый день долдонить одно и то же: Вам что-то подсказать?.. Если у Вас появятся вопросы, то обращайтесь. – просюсюкала она.

- А что здесь плохого? Если человек запутался, то ему обязан подсказать специалист, который в этом разбирается.

- Станислав, я тебя сегодня не узнаю! Ты споришь с матерью! – женщина оставила в покое свой вязальный крючок и приложила руку к сердцу.

- Мам, прекрати актерствовать, - хмыкнул сын. – Я понимаю, ты служишь в театре дольше, чем мне лет. Пусть заслуженной гардеробщицей, но многое почерпнула у первых актрис, с которыми была и остаешься «на короткой ноге». – Запел он явно с чужих слов. Их автор стоял перед ним с выпученными глазами – его шокировала резкость суждений собственного великовозрастного чада.

- В моих шаях ходила сама Жоржетта Пустовольская! – привела «весомый» аргумент ошарашенная Нинель Рубеновна.

- Я понятия не имею, кто такая Жоржетта Пустовольская, - прогнусавил Стас, обогнул мать и скрылся в своей комнате.

Женщина не сдалась и появилась перед сыном с возмущенным видом и без привычного вязания.

- Этот человек не знает, кто такая Жоржетта Пустовольская!.. – обличила Нинель молодого мужчину, ткнув в его сторону указательным пальцем. - Как она играла Нину Заречную в «Чайке» Чехова! – при этом женщина закатила глаза и прижала кулачки к груди.

- Только ей в то время было за пятьдесят, - поерничал Карлаш, выдав себя с головой – о Пустовольской он не только был наслышан, но и много раз видел ее на сцене, сидя за кулисами.

Словесная перепалка могла продолжиться, но сын знал, как урезонить разошедшуюся мать.

- Уважаемая, вы доиграете второй акт позже, а сейчас соблаговолите накрыть на стол. Я ужасно голоден.

Нинель Рубеновна посеменила в кухню...

Обильный ужин притупил терзания молодого человека. Он обругал себя за чревоугодие, поклялся, что завтра сядет на диету и займется спортом. И вскользь заметил.

- Мам, как ты считаешь, мне надо сбросить вес? – и похлопал себя по жилейному животу.

Женщина нахмурилась и внимательно изучила сына с ног до головы, будто не видела его пяток лет, которые он провел в санатории с усиленным питанием.

- Может быть, - впервые за все годы высказалась Нинель. – Я сама виновата – закармливала тебя с малолетства. Сама любила поесть и тебя заразила. Но я - то понятно – стресс заедала. Твой папенька, царство ему небесное, ох, и ирод был... Ладно, о покойных или хорошо, или ничего, - вздохнула она.

- Значит, ты думаешь, что мне надо похудеть? – не унимался сын. Он сам не знал, какую преследовал цель своей дотошностью. Скорее всего, хотел, чтобы его убедили в обратном.

- У меня есть одна книга, - задумчиво протянула мать, - в ней написана формула, по которой можно узнать свой правильный вес.

- Это интересно! – загорелся идеей Стасик.

Когда тучная мадам вернулась с книгой, он быстро подсчитал по формуле вес, соответствующий своему возрасту и росту.

- Получилось семьдесят два килограмма, - без воодушевления изрек он.

- Смотри, здесь сказано, как можно упростить расчет.

- Упростить – не значит изменить... Но давай попробуем. Чего же проще – отнять от роста сто десять... Итого мы получаем – семьдесят. Или семьдесят один... Хрен редьки не слаще...

- Мне кажется, закралась ошибка. Раз ответы не совпадают, значит, расчет неверен, и...-начала Нинель Рубеновна.
- Какая ошибка? – взвился сын. – Подумаешь, получилась небольшая разница. Не это главное! Главное, что у меня перевес около двадцати килограммов, - обреченно вздохнул он.
- Надо бегать по утрам, - женщина загнула первый палец, - ежедневно ходить в бассейн, - последовал второй палец, и главное – сесть на диету. – Почему-то за предыдущими двумя последовали одновременно остальные три.
- С тобой сядешь! – пробурчал сын.
- Развивай силу воли!
- Легко сказать.
- А хочешь, я, вообще, перестану готовить?
- К чему эти жертвы?! - обреченно пробасил Стас. – Я не желаю, чтобы ты умерла голодной смертью.
- Не волнуйся, не помру! Буду питаться в театральном буфете!
- Тогда забери мою премию. Пусть эта сумма покроет твои будущие расходы.
- Заботливый ты мой, - с чувством сказала Нинель и расцеловала сына в обе щеки.

Мать разбудила Стаса на рассвете, заставила экипироваться в старенький спортивный костюм, лежавший без применения со школьных времен, и выпроводила на пробежку.

Он ощущал себя человеком, стоящим на пороге открытий. И они последовали.

Он не задумывался, что любителей бега окажется такое множество. Оно превышало количество собаководов, представители которого вливались сразу в два лагеря.

Группа спортсменов была постоянным коллективом. Любой новичок вызывал интерес. Что было на руку некогда застенчивому Карлашу. Его обеспокоила непрезентабельность кроссовок и спортивного костюма. Недочет парень решил исправить сегодня вечером.

Но в конце рабочего дня позвонила Гузель Рахимова и попросила оказать ей услугу. А, именно, сходить с ней на презентацию книги одного талантливого автора, а затем отправиться в ресторан, где будет происходить неформальное общение. Попросту говоря, писатель обмывает выход в свет гениального творения...

Гениальным творением оказалась тонкая книжонка неприглядного синего цвета, больше похожая на брошюру. И носило оно громкое название «Выражение эмоций у человекоподобных».

У Стаса сразу родился вопрос - кто подразумевается под человекоподобными? Люди, которые потеряли человеческий образ? Тогда понятна привязка про эмоции и их выражение: дошли до ручки, говорить разучились, перешли на общение жестами и звуковыми переключками, расшифровка которых крылась в книге. А если автор имел в виду наших прародичей по Дарвину, то какими письменами заняты несколько страниц? Эмоции обезьян всем известны. Карлашу представился автор, засевший в кустах неподалеку от клетки с приматами, фиксирующий все происходящее на видеокамеру. Все увиденное позже он переложил на бумагу.

Стас вместе с Гузель выстоял очередь к талантливому автору, чтобы получить автограф на брошюре, то есть на гениальном творении. Жаль, он опоздал к началу и пропустил пресс-конференцию, на которой мог получить ответы на интересующие его вопросы. Но не беда, он прочтет книгу. Если когда - то откроет первую страницу, мучаясь от бессонницы.

- Зачем ты меня сюда притащила? – задушенным шепотом пробормотал Станислав, когда они осчастливились автографом.

- Ты мне нужен, как мужчина, - загадочно сказала Рахимова, зыря по сторонам, словно одной кандидатуры ей было недостаточно.

От таких слов Карлаша бросило в жар. Он не придумал ничего лучшего, как начать ожесточенно обмахиваться незабвенным творением в синей мягкой обложке.

- Прекрати, а то кто-нибудь увидит. – Гузель выхватила из его рук книгу и пояснила.- Понимаешь, Стасик, мне очень нравится Аркадий Ветров, - увидела непонимающее лицо молодого человека и сказала, - Ну, Аркадий Ветров.

-???

- Автор.

- А-а-а, - протянул понятливый Карлаш. – Ты с ним знакома?

- Мы работаем в одном журнале! – с гордым видом произнесла она, будто она была соавтором его творения.

- Втюрилась, - подвел итог Станислав.

- Я для него пустое место, - поделилась болью девушка, оставив без подтверждения изречение Стаса. – Вот я тебя и пригласила для... привлечения его интереса.

- Неподходящий объект ты выбрала для этих целей, - ласково пожурил парень, мысленно сравнивая себя с безразличным коллегой Гузель.

Мужчине было лет тридцать, голова сверкала привлекательной лысиной, на лице сверкали два серых глаза, быстро оценивающих каждую поклонницу своего таланта и без сожаления переключающихся на следующую. Закончив раздачу автографов, писатель оторвался от насиженного места, и к удовольствию Стаса оказался коротышкой, чуть выше самой низкорослой Рахимовой.

- Очень даже подходящий, - заспорила девушка, не спуская глаз с объекта поклонения, будто фраза адресовалась ему, а не ближайшему собеседнику. – Ты у нас парень... колоритный. – с трудом подобрала она определение.

- Сказала бы видный. Заметен из космоса без вспомогательных оптических средств.

- Ты... хороший. Ты добрый, ты понятливый.

- Гузель, ты с таким чувством перечисляешь мои достоинства, словно получила от меня предложение руки и сердца и собираешься мягко отказать.

- Ты и предложение – вещи несовместимые! – выдала она и тотчас разъяснила. – Ты, Стасик, еще ребенок.

- Ребенок, - недовольно хмыкнул Карлаш. – Меня одна девчонка обозвала дядей, - наябедничал он.

- Детсадовского возраста? – уточнила девушка.

- Нет, ей лет четырнадцать.

- Они в этом возрасте плохо ориентируются. Любой мужчина старше на несколько лет, кажется пенсионером. Как тебе пятидесятилетние, которые чувствуют себя полными сил людьми.

- Думаешь? - с надеждой спросил он.

- Кто бы сомневался, - пространно ответила она.

Может, зря я занялся спортом? – мелькнула осторожная мысль в голове Станислава. – После сегодняшней пробежки ноги гудят, мышцы ноют, еле-еле поднялся на второй этаж, а завтра точно с кровати не слезу. Раз меня зачислили в колоритные мужчины, то зачем напрягаться и бороться с природой?

По всей видимости, начинающий писатель был прижимист, в ресторан не пригласил, а устроил фуршет прямо в фойе двухэтажного книжного магазина, где проходила презентация книги, предварительно удалив всех посторонних.

Оголодавший Карлаш окинул сердитым взглядом накрытые столы, взял себя в руки и ограничился бокалом шампанского. Даже при всей колоритности, надо было чем-то жертвовать. В жертву было принесена еда, а дегустация спиртных напитков состоялась вторично.

У одних голодовка – выражение протеста, у Стаса – способ достижения совершенства. Он гордился собой и расхаживал с видом посаженного генерала между поклонниками таланта раскошелившегося на банкет автора. Утренняя пробежка была забыта, едва начавшись, на первый план вышла диета.

Гузель затерялась среди коллег, но Карлаш помнил о своем предназначении. Осушив бокал шампанского, он принялся за второй, надеясь на просветление в мозгах. Затем за третий. На душе стало хорошо и весело. На губах парня повисла загадочная улыбка, глаза затуманились от своей исключительности.

Мимо Станислава хотела прошмыгнуть низкорослая фигура Аркадия Ветрова, но он загородил ему дорогу. Рядом с Карлашом автор выглядел Моськой из басни Крылова. А Карлаш соответственно... слоном. К этому времени слон Стасик перешел к четвертому бокалу шампанского. К загадочности и собственной значимости прибавилось человеколюбие. Поэтому он протянул свою внушительную лапу автору, тот вложил в нее свою худосочную ладошку и слегка склонил голову, словно приготовился выслушать очередной дифирамб в свой адрес.

- Позвольте представиться – Станислав Варфоломеевич Карлаш, давний поклонник Вашей коллеги Гузель Рахимовой и новоиспеченный поклонник Вашего таланта!

- Аркадий Ветров, - отрапортовал автор. – Значит, Вы пришли с Гузель? – спросил он с таким интересом, что брови пришли в движение и стали сдвигаться в сторону лысой черепашки. При этом повернулся к Стасу полубоком, выискивая своими охотничьими глазами упомянутую девушку. Она стояла неподалеку и настороженно косилась в сторону беседующих мужчин.

- Очень рад, что она меня сюда пригласила, выбрала, так сказать, из сотни поклонников, - доверительно сообщил гость, склонившись к оттопыренному уху автора.

- Гузель пользуется таким спр... успехом? - поправился Аркадий, пожирая серыми глазами фигуру Рахимовой, которая оставляла желать лучшего.

- Конечно! С таким-то прекрасным лицом! – восхитился «экскурсовод» Стасик, намекая на главную достопримечательность девушки. - Глаза – бриллианты, уста – мед... - в животе противно заурчало, Карлаш повысил голос, - а брови создал мексиканский художник Хелгуэра. Два изгибающихся лука, стрелы которых пронзают сердце каждого, - поэтично выразился он, впервые замечая за собой талант к красноречию.

- Необыкновенная девушка, - подхватил завороченный неземной красотой Ветров и пошел в сторону Гузель, будто она превратилась в мощный магнит, а он успел облачиться в металлические доспехи. Врезался ледоколом в группу коллег, вырвал из нее Рахимову и потащил за собой.

- Однако, - удивленно протянул Стас и последовал за ними. – Мы в ответе за тех, кому создали рекламу.

Но он сделал всего несколько шагов и остолбенел. Хмель выветрился из головы со скоростью алкоголика, завидевшего неподалеку недопитую бутылку пива.

Перед ним стояла Нимфа из грез – с лицом Гузель Рахимовой, фигурой Нинки Сорокиной и волосами Ирины Петрикей.

Если бы Стас был собакой, то завилял хвостом и зашелся залившимся лаем.

Если бы он был котом, то потерялся об эти совершенные ноги, запрыгнул на руки и прижался к груди.

Увы, он был заурядным человеком. Серым и непривлекательным. Едва появившиеся ростки красноречия завяли на корню, явив миру бессловесное существо с выпученными глазами.

Девушка долго изучала его пронзительным взглядом, одновременно копаясь в памяти. Когда она поняла, что остолбеневшего человека видит впервые, она развернулась и ушла. А Стас не сдвинулся с места. Тело налилось свинцом, в голове звенело, а сквозь звон

звучали стихи Пушкина о весне, которая пора любви. Но не страстное начало, а обреченный конец: «Отдайте мне метель и вьюгу, и зимний долгий мрак ночей». Шансы околачивались возле нуля.

- Ста-а-ас, - раздалось откуда-то сзади.

Он не отреагировал.

- Стас! – рывкнула Гузель, появляясь перед ним. – Что с тобой?

- Эт..то кто? – прохрипел Карлаш, не сводя взгляда с Нимфы, затормозившей возле двух женщин.

Рахимова проследила за его взглядом.

- Которая? – не сообразила она.

- В костюме цвета топленого молока.

- А-а-а, эта, - невольно протянула Гузель. – Это Евдокия Сережкина, дочь нашего главного редактора... Зачем пришла, не понятно.

Чувствовалось, что Рахимова уже ревнует легкомысленного Ветрова, который едва склонился в ее сторону, как тяжелый колос после ливня. Конкуrentка с важным папашей за спиной имела все шансы привлечь интерес начинающего писателя. Но вопрос в другом - нужен ли он ей?

- Не переживай, этот лысый недоросток ей сто лет не нужен. - Стас продолжил вслух свои умозаключения.

- Ты имеешь в виду Аркадия Ветрова? – задохнулась Гузель.

Карлаш понял, что сморозил глупость и поспешил объясниться, но сам запутался окончательно.

- Как я могу ТАКОЕ сказать о Ветрове? Он... он гениальный выразитель... изучатель... эмоций сбрендивших... человекоподобных. – выдохнул он и смахнул тыльной стороной ладони пот со лба.

- Почему сбрендивших? – дернула плечиками Рахимова, но не стала углубляться в тему, оставшуюся на границе ее понимания. Но обида за Аркадия поселилась в душе. Захотелось ответить язвительной колкостью. – А ты на Дусю рот не разевай, не твой каравай!

- Захочу, и будет мой, - заверил Стас, искусно пряча душевные сомнения. Углубляться в тему и выяснять, кому, кроме достопочтимого отца, принадлежит Нимфа, он не хотел.

- Свежо предание, да верится с трудом, - заключила с явной грустью в голосе Рахимова. – Стасик, я бы хотела тебя... предостеречь от необдуманного шага.

- Не надо меня предостерегать, лучше помоги! – поспешил вмешаться в ее речь поклонник дочери главного редактора журнала «Под знаменем Сократа». И по-детски занудил, - я указал Ветрову на твои достоинства, привлек его внимание, вот теперь...

- Отрабатывай? Ты это хотел сказать? – взъерепенилась девушка.

- Кстати, чего ты крутишься возле меня? Куда делся твой новоиспеченный поклонник? – перебил ее Карлаш, уходя от нападок.

- Фу ты, черт! Совсем ты мне голову задурил! – скривилась Гузель. – Аркадий устал от суеты и хочет со мной прогуляться...

- А ты? Ты устала от суеты, ты хочешь прогуляться? Или тобой вертят, как хотят?

- Пусть вертят, крутят, тянут в пропасть, лишь бы быть рядом с ним.

- Не думаю, что Ветров захочет свернуть себе шею. Она ему дорога, а вот чужая... - договаривать обидное выражение Стас передумал.

- Чего ты от меня хочешь? – сквозь зубы спросила девушка.

- Хочу, чтобы ты держала дистанцию. Хотя бы, некоторое время. Иначе уже завтра Аркадий забудет о твоём существовании... - стал науськивать приятель. Она задумалась, собрав на высоком лбу настороженные складки. Стас догадался, что нащупал нужную

точку и продолжил точечный массаж. – Пойди и скажи ему, что с кем пришла, с тем и уйдешь! Разожги в нем огонь!

- А ведь ты прав, - после раздумий заявила Рахимова и покосилась на друга. – Стасик, никогда не думала, что ты так мудр.

- Я недавно... замудрствовал, - пояснил он. – Но другим могу давать советы, а себе... - Молодой человек обреченно развел руками.

- Ладно, чем смогу, помогу, только дам временную отставку Ветрову.

Гузель унеслась, а Карлаш завертел головой в поисках Евдокии Сережкиной, но ее нигде не было...

Монолог Гузель обеспокоил Карлаша, хотя, полученных сведений было явно недостаточно.

Евдокия в этом году оканчивала школу, собиралась поступать, естественно, на журфак, работала с двенадцати лет в модельном агентстве, не знала отбоя в поклонниках. Список с указанием внешних данных Рахимова не огласила, но Стас догадался, что все поклонники не ему чета.

Девушка пообещала порасспросить коллег. На этой обнадеживающей ноте друзья расстались на пороге дома Гузель.

Парень побрел по вечернему городу, перекручивая в голове встречу с Нимфой.

Улицы были пустынные, прохожих почти не было, лишь автомобили проскальзывали мимо, не мешая вдохновленному смакованию.

Сначала Станислав слышал возню, а потом крики о помощи. Хмель не окончательно выветрился из его головы, иначе ничего подобного, что последовало далее, никогда не произошло.

В мозгах зашумело, сердце преисполнилось безумной отвагой, и мужественное решение было принято мгновенно.

- Эй, ребята, оставьте девочку в покое! – с угрозой в голосе приказал Карлаш.

- Иди домой, дядя, тебе давно пора спать! – между делом высказался один из парней, продолжая тянуть молоденькую девушку к автомобилю с раскрытой в готовности дверцей.

Отвратительное обращение помutilo остатки разума менеджера по продаже. Он встал в позу медведя, которого разбудили в середине зимы, и выдал первое, что пришло ему в голову.

- Ух, я вас сейчас заломаю!

Наверное, внешний облик медведеподобного Стасика не вызвал тревоги в душах хулиганов. Они лишь затормозили, не выпуская девочку, и дружно заржали, чем еще больше раззадорили Карлаша. Он поглядел по сторонам в поисках орудия возмездия, заметил недавно посаженное деревцо клена, одиноко стоящее на ножке в белом гольфе, ловко выдернул его из земли, стал размахивать над головой наподобие флага и страшно завывать. Стас походил на футбольного фаната, чья заурядная команда одержала победу у испанского «Реала».

Неизвестно, что больше напугало парней – хищное лицо Карлаша, зычный рык или угнетающий свист ветвей саженца, раскачиваемого над головой, но когда он двинулся на хулиганов, те обомлели, вздрогнули, выпустили девчонку, быстро сели в автомобиль и умчались по пустому шоссе.

Девочка кинулась к спасителю на грудь и разревелась.

- Спасибо, дядечка, - всхлипывая произнесла она, размазывая по рубашке Карлаша слезы и тушь.

Он по-отечески погладил ее по голове, проигнорировав нелестное обращение.

- Чего уж, там, - нашелся Стас, опуская вертикально на асфальт несчастный саженец. – Жаль, мог бы стать красивым кленом.

- Станет, - пообещала девочка, размазывая кулачками слезы. – Ой, а я Вас знаю! Мы встречались в кондитерской!

Карлаш пригляделся к ней и понял – перед ним та сама вертихвостка, после встречи с которой ему пришлось в голову в корне изменить существование. Сейчас она была без бот на толстой подошве, поэтому едва доставала Стасу до уха. Вместо короткой юбочки на ней были надеты узкие джинсы, футболка и все та же куртка с лохматым воротником.

- Ты почему так поздно бродишь по улицам? – пожурил он. – На дворе ночь, а ты совсем одна. Так можно... неприятности нажить.

- У меня кот сбежал. Выскочил, когда почтальон приходил. Я сначала не заметила его побега, решила, что спит в укромном месте. Он любит где-нибудь спрятаться, чтобы ему не мешали.

- Может, он и не сбежал, а спит себе спокойно. – предположил Стасик.

- Нет, я везде искала, но его нет. – слезы снова навернулись на глаза девочки.

- Ну, не плачь, - пожалел ее Карлаш, - он погуляет и вернется.

- Не вернется, он никогда на улицу не выходил. А тут улизнул. Наверное, запахи весны почувал...

- Весна она такая, она всем мозги переключает, - согласился парень. – А тебя как зовут.

- Элла, но все меня зовут Элюней.

- Что же, Элюня, с тобой отец не пошел?

- У меня нет отца. И мамы нет. Мы живем вдвоем с сестрой. – в голосе просквозила тяжелая грусть. - Она поздно с работы возвращается. Пока ее не было, я пошла искать кота. Уже часа три бегаю по дворам и кричу: Марсик, Марсик. Со всей округи дворовые коты сбежались, но Марсика среди них не было. – разочарованно протянула девочка.

- А если он не выходил на улицу?

- Думаете, он где-то дома спрятался? – задумалась Элюня.

- Думаю, он выскочил в подъезд, услышал незнакомые звуки, забегал по этажам, устал, свернулся клубочком и ждет, когда хозяйева за ним придут.

- Я подъезд не проверяла. Села в лифт и поехала в низ. Но на первом этаже его точно не было.

- Наверное, он наверх помчался, где потише.

- А Вы, д..., - она запнулась и продолжила уже без обращения, - Вы не только храбрый, но и умный.

В ушах Стасика запел хор: Славься, славься, во веки веков! Не важно, что композитор Глинка имел в виду матушку Россию, сейчас речь не о ней, а о конкретном человеке - победителе. Нетщеславный победитель отмел непривычные грезы.

- Меня зовут Станислав, - глубокомысленно изрек он, намекая на неприятие «дяди».

- А по отчеству?

- Можно просто Стас. Я не так стар, как тебе кажется, мне всего-то девятнадцать лет.

- А я... А мне четырнадцать... Давайте дерево заново посадим.

- А как мы это сделаем, у нас лопаты нет?

- Тут недалеко мусорные баки, я там видела возле одного лопату с обломанным черенком. Хотите, принесу?

- Я боюсь тебя одну отпускать. Пойдем вдвоем. – Карлаш бережно положил на землю саженец, они отправились в ближайший двор. И быстро вернулись совершенно довольные, будто отыскивали среди мусора реликтовую вещь.

Станислав легко выкопал нужной глубины яму, Элюня вставила деревце, парень забросал землей и утрамбовал ее ногами вокруг саженца.

- Отлично! – удовлетворенно произнес он. – А теперь провожу тебя домой, а заодно проверю свою теорию.

Теория оказалась верна. Марсик сладко спал на коврике у чужой двери, свернувшись клубком. Девочка подхватила его на руки и стала тискать. Неразгадавший чужих чувств Марсик ожесточенно взвыл и расцарапал хозяйке руку.

- Надо рану обработать. – глубокомысленно изрек Карлаш. – У тебя дома есть зеленка. – В случае отрицания он был готов бежать в ближайшую дежурную аптеку.

- Есть, - успокоила Элюня. – Пойдемте, я Вас с сестрой познакомлю.

- А надо ли? – напугался Стасик, который боялся попасть под раздачу разгневанной старшей сестры, которая давно беспокоится об Элле.

- Надо! Ведь Вы мой спаситель!

- Про инцидент не стоит рассказывать, - поспешил сказать он. – Скажи, что привлекла меня к поискам Марсика случайно.

- Нельзя бояться хороших поступков, - философски заметила девочка. – Многие кичатся гадкими деяниями, а Вы не хотите признаться, что спасли меня от хулиганов.

- Кстати, жаль, что я не запомнил номер автомобиля. Надо бы написать на них заявление в полицию, чтобы отбить охоту к ночным развлечениям.

- Надо бы, - вздохнула Элюня, спускаясь с котом по лестнице. – Так сказать, пресечь на корню их преступные действия.

- А ты... молодец! Соображаешь!

- У меня папа служил в полиции. Погиб чуть больше года назад, - едва слышно произнесла она. Стас не видел лица девочки, он шел сзади, но догадался, что она плачет. Элюня шмыгнула носом, и добавила, - а мама умерла при родах. Ирочке, сестре, тогда было пять с половиной лет.

Карлаш прикинул в уме, и понял, что сестра Элюни его ровесница. И воспитывает ее в одиночку.

А Стаса до сих пор воспитывает мама, он живет под ее крылышком, и все считают его ребенком.

Когда они дошли до шестого этажа, Элла остановилась у двери с цифрой «60».

- Стас, не волнуйтесь, Ирочка Вас не съест, она добрая.

Старшая сестра тотчас распахнула дверь, услышав голос Элюни.

- Где ты была? – жестко спросила она. – Я уже хотела звонить дяде Васе.

- Дядя Вася, это друг нашего папы, они вместе в полиции служили, - пояснила девочка с котом на руках, обращаясь к Карлашу.

- Ирочка, познакомься, это Стас, он...

- Стас? Что ты здесь делаешь? – спросила Ирина Петрикей, его коллега и участница собирательного образа Нимфы, от которой та взяла необыкновенной красоты волосы цвета спелого ореха. Сейчас копна была свернула в узел и схвачена заколкой.

- Я... проводил Элюню. – брякнул парень.

- Вы... встречаетесь? – опешила Ира. – Но...

- Подожди, я сейчас все расскажу по порядку. – вмешалась младшая сестра, догадываясь, что Ира и Стас знакомы...

Перед расставанием Карлаш вдруг поинтересовался.

- Ириша, я тебя завтра увижу?

- У меня выходной.

- И чем ты будешь заниматься?

- Хозяйственными делами, - обобщила Петрикей.

- Ты бы сходила куда-нибудь, - встряла в разговор взрослых все понимающая Элюня. Сестра с укоризной взглянула на нее, но промолчала.

- Ир, правда, давай сходим завтра в кино! – предложил Стас, вложив в голос душевность.

- Ты же работаешь?! – напомнила девушка.
- Я завтра в первую смену, с десяти до шести... Давай встретимся часиков в семь у...
- Стас, Вы приходите к нам домой, - снова вмешалась младшая сестра. – Чтобы Ирочка не передумала. Я ее буду охранять до Вашего прихода.
- Я не музейный экспонат, чтобы меня охранять, - шикнула Петрикей, но в глазах промелькнуло удовлетворение.
- Вот и славно, трам-пам-пам, - пропела Элюня...

Весь рабочий день Карлаш посвятил воспоминаниям. Он восстанавливал в памяти вчерашний вечер, особо не заикливаясь на презентации книги Ветрова, на последующем за ним подвиге, а для него защита девочки, действительно, была подвигом. Стас ни разу за всю свою девятнадцатилетнюю жизнь не дрался. Его не трогали, он не высовывался из своей раковины, чтобы провести разведку боем. Все было тихо, чинно, благородно. До вчерашнего вечер

Нимфа – Евдокия ушла на второй план, ее затмила Ирина Петрикей. Коллега по работе отличалась не только копной удивительных волос, но, как успел вчера заметить доселе ненаблюдательный Стас, необыкновенными глазами цвета выдержанного коньяка, чудным носиком и красивыми четко прорисованными природой губками. Если Нимфа казалась неземным существом, то Ира была обычной девушкой. И необычной одновременно. У нее была приятная мягкая улыбка, она смешно морщила носик, когда слышала что-то, не вызывающее ее одобрения. Она была чертовски милой, приятной, женственной, благородной, доброй, умной и... еще много-много эпитетов мог присовокупить в ней Карлаш, если бы не навязчивые покупатели, заявившиеся всем народонаселением города в их прорекламированный магазин бытовой техники и электроники. Стас ощутил на себе предновогодний синдром, во время которого все покупатели сметают с прилавков товары со скидкой.

К концу дня лица счастливиц возвращались в хороводе, прихватив с собой приобретенные товары. Ноги Карлаша налились свинцом, сам он превратился в игрушку, у которого «умерла» батарейка. Но только он вспомнил о свидании, как вмиг приободрился и на всех парах помчался по знакомому адресу.

По всей видимости, Ирина мало времени посвятила хозяйственным делам, а большую часть дня провела в салоне красоты. Красивые и без вмешательства специалиста волосы приковывали взгляд. Стасу захотелось пропустить их сквозь пальцы, дотронуться до них губами и вдохнуть, вдохнуть восхитительный аромат.

Парню расхотелось выходить в свет с этой девушкой. Он не желал делить ее ни с кем. Он хотел отгородить ее от чужих бессовестных взглядов. Тут еще вмешалась Элюня и намекающее сказала, что пойдет заниматься к подруге.

- Ты останешься дома, а мы пойдем в кино! – твердо сказала Ирина и дала понять, что на уступки не пойдет.

Заговорщики обменялись недовольными взглядами.

Надо же было такому случиться! В кинотеатре пара встретила Нинку Сорокину, будто на весь город был один кинотеатр. Стас не видел ее со дня выпускного вечера, когда намеренно прикусил ей усердный язык. Он окинул взглядом обалденную фигуру одноклассницы, позаимствованную для Нимфы, и нашел, что она несколько расплылась, о чем он не преминул заметить, когда нахалка смачно зацеловала его в губы в присутствии Петрикей, которая сжалась и собралась уйти в сторону. Но Карлаш не дал ей этого сделать, захватил гладкую ладошку.

- Я поправилась? – недовольно хмыкнула Нинка в ответ на дерзость. – Чья бы корова мычала! - резко бросила она.

- Я не имею права худеть! – загадочно сообщил Карлаш, прикрыл глаза и обреченно покачал головой.

- Тебя отобрали в отряд откормленных космонавтов? – съехидничала Сорокина.

Сам нарвался, - подумал Стас, нечего было бросаться необдуманными репликами. Он представил себя в окопе, к которому подбираются враги. Во главе группы вышагивала размеренным шагом предводительница Нина. У Карлаша в руках появились по две резкие реплики, похожие на гранаты, он бросил одну, и еехватило, чтобы враг прибавил ход.

Надо дать лаконичный ответ, который заставит врага капитулировать, - мысленно решил он и искоса посмотрел на Петрикей, которая с интересом ждала развития событий.

Станислав понял – сейчас решается его судьбы. Недавно приобретенное достоинство могло уйти безвозвратно.

- Я... Меня недавно взяли в сборную России по тяжелой атлетике. – уверенно солгал он.

- Не знала, что ты занимаешься спортом, - не поверила Сорокина.

- Всегда занимался! - схватился за идею Стас. – Просто скрывал от всех... свои достижения. Не люблю славы, она портит характер и мешают к восхождению к настоящим высотам.

- Понятно, - недоверчиво протянула одноклассница, поглядывая на мускулистого Карлаша, который ей всегда казался размазней и маменькиным сынком. Лишь однажды он проявил себя настоящим мужчиной, когда сгреб ее в объятия, но далее... Вспоминать об инциденте Нина не любила. Даже в эту минуту проверила пострадавший некогда язык, свернув его во рту конвертиком. – И в каком же ты выступаешь весе? – решила она вывести незнайку Карлаша на чистую воду.

- В полутяжелом! – без запинки доложил он. – У нас, в тяжелой атлетике, три попытки в рывке и три в толчке. Я стараюсь все выполнить с первой попытки.

- И... удастся? – не поверила Сорокина.

- Когда моя невеста в зале, то мне все удается. – Карлаш обнял Иру за плечи и с чувством поцеловал в губы.

- Наверное, зарабатываешь неплохо? – спросила Нина, пропустив мимо ушей фразу о невесте, которая ей поначалу была представлена пространно: «Это Ирина».

И Станислав загнул фантастические суммы. Начал с третьего места на чемпионате Европы и закончил первым местом на чемпионате мира. По мере выдачи информации, глаза Сорокиной открывались все шире и шире, к ним подключился рот, который будто бы приготовился к приему манной каши на огромной ложке.

Вот я дура, - вертелось у нее в голове, - такого кандидата в мужья упустила. Зачем ушла после его выходки? Может это была совсем не выходка, а проверка на устойчивость и выдержку. У такого спортсмена жена должна обладать незаурядными качествами... Но как же некоторым везет...

Она покосилась на Петрикей и не удержалась от вопроса.

- Скажите, Ирина, а Стасик прикусывал Вам язык до крови?

- Что, простите? – потрясла головой «невеста».

- Не прикусывал! – ответил за нее Карлаш. – Потому что она не доставала меня рассказами о Наполеоне. У меня на него аллергия. Как только слышу – Наполеон, так сразу что-нибудь грызу. Ответный рефлекс...

- У тебя аллергическая реакция на слоеный торт? – удивилась Ирина, которая считала, что у тучных людей не бывает пищевой аллергии.

- Не на торт, а на императора Наполеона Бонапарта, - скривился Стас и приложил руку к губам, словно упоминание француза вызвало у него еще и рвотный рефлекс.

- Его полное имя Шарль Луи Наполеон Бонапарт, - с вызовом произнесла Сорокина, поглядывая в сторону «невесты», которую поджидает неожиданный сюрприз.

- Ну, зачем ты так, Нина, - страдальческим голосом сказал Карлаш, слегка оттолкнул от себя Петрикей, одноклассница оказалась ближе к нему, и Стас двинулся на нее, как вчерашний разбуженный медведь. Отличие было в молчаливости и отсутствии саженца-флага.

- Я, пожалуй, пойду, - пробормотала она, делая отчаянные попытки ускорить задний ход. Потом не выдержала, развернулась и убежала.

- Что это было? – спросила Ирина, с трудом сдерживаясь от хохота.

- Сорокина сбрендила на почве своего Наполеона. Если бы сейчас ее не напугал, мы бы прослушали трехчасовую лекцию об этом императоре.

- А на что она намекала, когда говорила о языке?

- Она имела в виду говяжий язык, - нашелся Стас. – Мы как-то были у нее на дне рождения, еще в школьные годы, я надкусил, а оттуда кровь... Недоваренный был...

- Ох, и горазд ты сочинять. – покачала головой Петрикей.

Мечты переключались в устную речь, - подумал Карлаш, пока не догадываясь, что предпочтительнее.

Но он был уверен, что на смену грезам, пище и сну пришла чудная земная девушка Ира с восхитительными волосами...

Апрель 2012 года
г. Ростов-на-Дону